

УДК 621.039 + 355.019.1 + 327

Н. А. Кутнаева

ЗОНЫ, СВОБОДНЫЕ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, В СТРУКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В статье рассматриваются понятия «международный режим» и «режим нераспространения ядерного оружия» с точки зрения разных школ международных отношений. Выделяются основные инструменты режима нераспространения ядерного оружия. Предлагается авторское видение структуры режима нераспространения, базирующегося на четырех составляющих: международных договорах, институтах, инициативах, национальных законодательствах. Особое внимание в статье уделяется результатам анализа зависимости формирования безъядерной зоны от ее географического расположения. Утверждается, что регионы, географически близкие к США или СССР (России), но при этом далекие от Европы, или же регионы, далекие от европейского театра военных действий, имеют преимущество в организации безъядерных зон. Автор приходит к выводу о продолжающейся привязке военно-политических вопросов к Европе как к театру военных действий.

Ключевые слова: международный режим, режим нераспространения ядерного оружия, инструменты режима нераспространения, структуры режима нераспространения, безъядерные зоны, зоны, свободные от ядерного оружия, разоружение, ядерное оружие, европейский театр военных действий.

Глобальные трансформационные процессы, происходящие в настоящее время в международных отношениях, затрагивают три стержневых аспекта международной безопасности. Первый заключается в том, что ключевые инструменты безопасности — конвенциональное и стратегическое вооружение — перестают быть единственными индикаторами мощи государства¹. В современных международных отношениях все большее значение приобретают инструменты «мягкой силы», оказывающие влияние на государство через экономическую, социальную и гуманитарную сферы². Как отмечает Дж. Най, «сегодня... у определения мощи исчезает акцент на военной силе и завоеваниях, что было характерно для предшествующих эпох. Технологии, образование и экономический рост становятся все более значимыми для влияния в международных отношениях, в то время как география, население и сырье становятся несколько менее важными» [37]³. Второй фактор состоит в том, что, наряду

¹ Л. В. Дериглазова указывает на то, что ядерное оружие «все чаще рассматривается как атрибут силы, а не как реальная сила, и ОМУ приобретает качества средства оказания политического давления» [9, 58].

² В своей недавней статье Дж. Най обращает внимание на то, что власть — это способность влиять на поведение других, чтобы получить то, что нужно. «Существуют три основных способа сделать это: принуждение, оплата и привлекательность. Жесткая сила — это использование принуждения и оплаты. Мягкая сила — это возможность получения предпочтительных результатов за счет привлекательности. Если государство может определять программу действий для других государств или формировать их предпочтения, оно может сэкономить на кнутах и пряниках. Но только в редких случаях они могут быть полностью заменены» [36, 160–163].

³ Здесь и далее — перевод с английского языка автора.

с государственными акторами, в международных отношениях все больше места начинают занимать не государства, а другие игроки — международные организации, транснациональные компании, институты неправительственного сектора и даже международные террористические и криминальные организации. Третий фактор заключается в том, что в постбиполярном мире на смену масштабно-глобальным войнам — по идеологическим причинам в разломе «социализм — капитализм» — пришли локально-региональные конфликты, основанные на территориальном, этнополитическом, религиозном факторах или в их комбинации. Вместе с тем, несмотря на спад напряженности в отношениях государств, ранее представлявших жестко противостоящие военно-политические блоки — Североатлантический альянс (НАТО) и Организацию Варшавского договора (ОВД) — угроза использования ядерного оружия (ЯО) продолжает оставаться на международной повестке дня, хотя идет переговорный процесс по снижению количества ЯО и выдвигаются инициативы на высоком уровне по его полному уничтожению до «глобального ядерного нуля».

Эти три фактора привели к тому, что в настоящее время в сфере международной безопасности появились дополнительные угрозы. Среди них — доступ к ядерным технологиям и оружию террористических группировок, цели которых многообразны. В связи с этим возникает вопрос об актуальности теории ядерного сдерживания, лежащей в основе ядерной безопасности и возникшей в годы холодной войны, т. е. в условиях биполярной системы. Теория, выдвинутая в 1940-х гг. Джорджем Кеннаном, утверждала, что наращивание ядерного потенциала необходимо для поддержания мира и предотвращения войны: в этом случае противник будет опасаться ядерного удара и поэтому никогда не нанесет удар первым [41, 200]. Некоторые авторы напрямую говорят о том, что ядерное сдерживание в настоящее время становится «анахронизмом»: «Оно предотвращает несуществующие более угрозы — преднамеренное массированное нападение великих держав или их союзов друг на друга» [7, 81]. Действительно, на карте мира появились несколько дополнительных ядерных государств — вне рамок Договора о нераспространении ядерного оружия (Израиль, Индия, Пакистан, Северная Корея). При этом, как справедливо указывает П. Синовец, зачастую противники расположены в одном регионе и имеют существенный дисбаланс конвенционального и ядерного оружия [17, 7–8].

Для кристаллизации противодействующих мер, предпринимаемых международным сообществом, необходимо рассмотреть условия становления международного режима нераспространения и академический дискурс по поводу этой концепции. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, установившаяся после Второй мировой войны, охарактеризовалась конфронтационной биполяризацией системы международных координат и связанной с ней гонкой обычных и ядерных вооружений. К 1960-м гг. к созданию собственной атомной бомбы подошли многие страны: ФРГ (совместно с Францией и Италией), Израиль, Индия, КНДР, ЮАР, Аргентина и Бразилия, Швеция, Швейцария, Австралия, Южная Корея и Тайвань [21, 86–90]. В связи с этим появились опасения, что в скором времени ядерным оружием станут обладать 25 государств и процесс становления ядерных государств (ЯОГ) станет неконтролируем-

емым и необратимым. Так, в марте 1963 г. президент США Дж. Кеннеди заявил: «...я предвижу возможность того, что в 1970 г. президенту США придется столкнуться с миром, в котором 15, 20 или 25 стран будут иметь такое оружие» [28]. Елфимов справедливо указывает на другую важную причину становления режима нераспространения — приоритетность сохранения результатов Второй мировой войны и предотвращения получения ЯО Японией и ФРГ [11, 88].

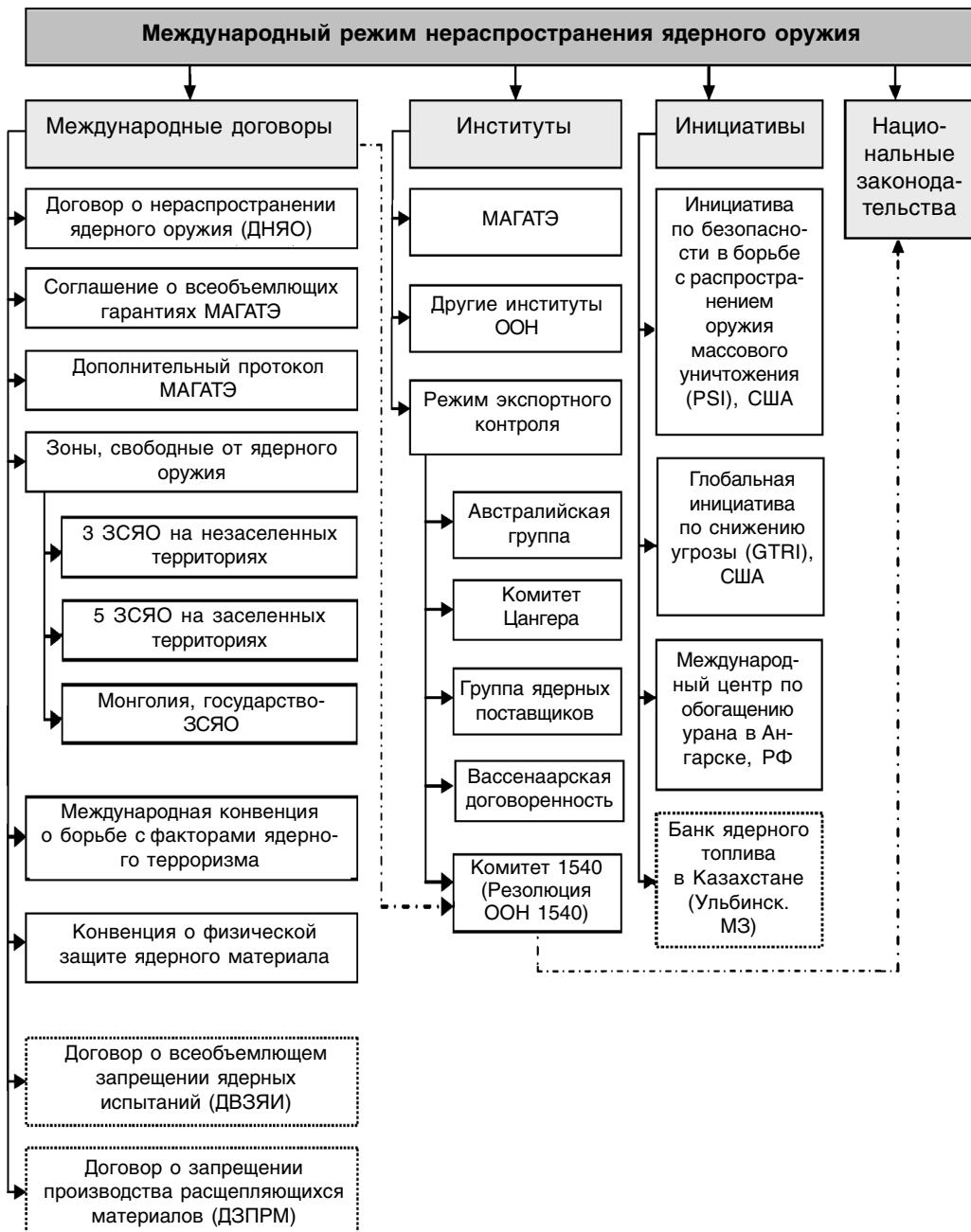
Поэтому, несмотря на идеологическую конфронтацию, правительства существующих к тому времени ядерных государств пришли к концу 1960-х гг. к выводу о необходимости принятия мер по предотвращению передачи ядерного оружия и технологий в другие страны. Ниже представлены основные инструменты международного режима нераспространения ядерного оружия, которые, если анализировать режим как целостную систему, могут рассматриваться в качестве его элементов. На рисунке видно, что режим состоит из международных договоров, институтов, односторонних инициатив государств, а также национальных законодательств.

В разделе «Международные договоры» расположены международные соглашения, основополагающие для режима ядерного нераспространения. Первый такой документ, являющийся основой всего режима, — это Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Он был открыт для подписания 1 июля 1968 г. и вступил в силу 5 марта 1970 г. Этот международный документ ограничил количество официальных ядерных государств теми пятью государствами, которые на 1 января 1967 г. произвели испытание ядерного оружия. Впервые было согласовано, что ядерные державы не передают кому бы то ни было ядерное оружие и контроль над ним и не помогают неядерному государству в производстве ЯО или его приобретении. В свою очередь, государства, не обладающие ядерным оружием, не имеют права принимать ЯО, а также контроль над ним, не могут производить и приобретать его и добиваться в этих целях чьей-либо помощи.

Следующие элементы режима нераспространения — это два документа МАГАТЭ. Благодаря Соглашению о всеобъемлющих гарантиях агентство имеет право осуществлять контроль того, что ядерные материалы, неядерные материалы, услуги, оборудование, установки и информация, согласованные и поставленные под гарантии, не используются для производства ЯО или для любой военной цели [8, 27]. Согласно Дополнительному протоколу, принятому МАГАТЭ в 1997 г., у агентства появилось расширенное право на проведение инспекций объектов для получения информации, связанной со всеми элементами ядерного топливного цикла. В свою очередь, государства, заключившие Дополнительный протокол, обязаны представлять отчеты о мирной ядерной деятельности. Эти меры дают МАГАТЭ возможность определить, что государство, подписавшее протокол, не обладает незаявленными ядерными материалами.

Зоны, свободные от ядерного оружия (ЗСЯО)⁴, являются еще одним инструментом режима нераспространения. Они, действуя на основе многосторонних

⁴ В данной статье термины «безъядерная зона» и «зона, свободная от ядерного оружия», или «ЗСЯО», будут использоваться как взаимозаменяемые синонимичные понятия.

Международный режим нераспространения ядерного оружия
и его основные элементы

международных договоров, ограничивают в пространственном отношении «расползание» ядерного оружия в другие страны. В этом случае происходит преодоление «горизонтального распространения» ЯО, т. е. его передача от ядерного государства неядерному. На территории стран — участниц зон запрещается проводить исследования, разрабатывать, производить, накапливать запасы, владеть или контролировать любое ЯО или другое ядерное взрывное устройство. Может возникнуть вопрос: для чего нужны отдельные договоры о зонах, свободных от ядерного оружия, если существует Договор о нераспространении ядерного оружия, в котором прописываются положения, содержащиеся в соглашениях о безъядерных зонах? В частности, статья 2 ДНЯО говорит о невозможности для неядерных государств принимать ЯО, контролировать, производить или приобретать его, а также принимать помощь в производстве любых ядерных взрывных устройств [10]. А статья 7 этого же договора говорит о том, что группы государств имеют право «заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях» [Там же]. Дело в том, что когда появились первые безъядерные зоны, ДНЯО еще не существовало. Помимо этого, в отличие от ДНЯО, не запрещающего развертывание ядерного оружия, принадлежащего ЯОГ, на территориях государств — членов безъядерных зон договоры о ЗСЯО это строго запрещают.

Существуют три стержневые функции создания зон, свободных от ядерного оружия. В политическом плане ЗСЯО необходима для уменьшения риска разворачивания военного конфликта и снижения напряженности в любом регионе. В военном плане зоны ограничивают доступ в этот регион ядерным силам каких-либо третьих (внегосударственных) государств, это так называемое «уменьшение гибкости». Но имеется и еще одна функция. По мере активизации обсуждений о становлении любой ЗСЯО сам переговорный процесс уже становится попыткой стабилизации отношений задействованных региональных игроков, своеобразной мерой по укреплению доверия между ними. Как справедливо отмечает резолюция Генассамблеи ООН, «зоны, свободные от ядерного оружия, являются одним из наиболее эффективных средств предотвращения как горизонтального, так и вертикального⁵ распространения ядерного оружия и содействия устранению опасности ядерной катастрофы» [42].

Другие, не менее важные инструменты раздела «Международные договоры» режима нераспространения будут упомянуты только кратко. Конвенция о физической защите ядерного материала от 1979 г. налагает обязательства на государства-участники о создании и поддержании надлежащего режима физической защиты, применимого к ядерному материалу и ядерным установкам, находящимся под их юрисдикцией [12]. Международная конвенция о борьбе с факторами ядерного терроризма была выдвинута Россией и принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи ООН в 2005 г. Документ является

⁵ Вертикальное распространение ЯО — это увеличение по количеству и по силе разрушительности ЯО в ядерном государстве.

важным элементом международного сотрудничества в области противодействия ядерному терроризму [14]. Договоры о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) на схеме изображены пунктирной линией, поскольку, несмотря на чрезвычайную важность, из-за противодействия некоторых стран все еще остаются не вступившими в силу.

Институты являются второй составляющей режима ядерного нераспространения. Здесь можно выделить Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и другие специализированные учреждения ООН, занимающиеся продвижением режима ядерного нераспространения (например, Первый комитет ООН, Департамент по правовым вопросам Секретариата, Центр по вопросам мира и разоружения в Азиатско-Тихоокеанском регионе и др.). Институтами являются также неформальные группы государств, целью которых является введение и поддержание экспортного контроля для противодействия передачи технологий и материалов ОМУ от одного государства другому. «Австралийская группа» занимается гармонизацией мер экспортного контроля, направленного на снижение беспрепятственного распространения химического оружия. «Комитет Цангера» отвечает за составление подробных списков контролируемых ядерных товаров. «Группа ядерных поставщиков» отвечает за обеспечение контроля над ядерным экспортом. Группа, созданная благодаря «Вассенаарской договоренности», способствует прозрачности и большей ответственности в передаче обычных вооружений и товаров двойного назначения и технологий [26].

Комитет 1540 был учрежден в структуре Совета Безопасности ООН благодаря Резолюции 1540, принятой в 2004 г. Эта резолюция обязывает все государства принять эффективные меры, в том числе на законодательном уровне, для предотвращения распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Комитет состоит из представителей 15 государств, которые входят в Совет безопасности.

Инициативы, выдвинутые различными государствами на односторонней основе, образуют следующую группу элементов режима нераспространения. Например, предложенная Соединенными Штатами в 2003 г. «Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения» рассчитана на выявление и предотвращение трансграничного перемещения материалов и оборудования, предназначенных для создания ОМУ. В рамках данной инициативы возможен досмотр и перехват подозреваемых грузов в пространствах, не находящихся под национальной юрисдикцией государств. Благодаря «Глобальной инициативе по снижению угрозы», которая также является предложением США и управляемая Администрацией США по национальной энергетической атомной безопасности, происходят депатриация в Россию и США высокообогащенного урана соответственно российского и американского происхождения и его дальнейшая переработка [23].

Имеются также инициативы, касающиеся создания банков резервных ядерных материалов. Цель таких банков заключается в уменьшении угрозы распространения ЯО путем предоставления третьим странам возможности полу-

чать обогащенный топливный уран для АЭС без их доступа к «критическим» технологиям и без создания мощностей по обогащению урана. Международный центр по обогащению урана в Ангарске (РФ) создан для обеспечения гарантейного запаса низкообогащенного урана (НОУ) под эгидой МАГАТЭ. При возникновении необходимости Россия будет производить поставки НОУ из гарантейного запаса МАГАТЭ. В свою очередь, агентство будет предоставлять этот материал стране, испытывающей перебои в поставках [5]. Также в Казахстанском Банке ядерного топлива, который предположительно будет находиться на базе Ульбинского металлургического завода, будет иметься резервный запас НОУ для стран — членов МАГАТЭ. По словам министра иностранных дел РК Е. Идрисова, банк «станет резервом на крайний случай, если вдруг какая-то страна — член МАГАТЭ не сможет получить топливо от традиционного поставщика по причинам политического характера» [6]. Планируемые 60–80 т топлива будут находиться под контролем МАГАТЭ и в его официальном юридическом владении. Этот элемент режима нераспространения, в отличие от его аналога в Ангарске, находится на стадии планирования, поэтому изображен на рисунке пунктирной линией.

Что касается национального законодательства, то здесь можно согласиться с Дж. Наэм, который отмечает, что институционализация режима может изменить стандартные операционные процедуры для внутриполитических бюрократий [38, 400–401] путем внесения поправок и внедрения новых законов и подзаконных актов в сфере нераспространения.

Как видно на схеме, многие элементы системы тесно взаимосвязаны друг с другом, что показано пунктирными стрелками. Например, благодаря Резолюции 1540 (которая может быть отнесена к разделу «Международные договоры») был учрежден институт ООН — Комитет 1540. Причем одной из целей резолюции и комитета 1540 является внедрение законодательных механизмов всеми государствами — членами ООН на национальном уровне по контролю (в том числе и экспортному) над нераспространением ОМУ.

За пределами рассмотрения данной схемы остались сопутствующие режиму нераспространения институты ядерного разоружения⁶, основной функцией которых является предотвращение наращивания ядерных вооружений, их ограничение, сокращение и ликвидация [3, 9]. Примерами развития переговорного процесса и его оформления в виде соглашений по ограничению стратегических вооружений могут служить договоры ОСВ-1 (1972), ОСВ-2 (1979), Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987), Договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений СНВ-1 (1991), СНВ-2 (1993), СНВ-3 (2010).

Режим нераспространения ЯО является лишь одним из многих международных режимов, которые создаются в узкоспециализированных областях. Например, существуют международные режимы торговли, прав человека,

⁶ А. Антонов отмечает, что, поскольку в Советском Союзе термин «контроль над вооружениями» игнорировался из-за его применения американскими экспертами, в советской литературе использовались выражения «ограничение и сокращение вооружений» и «разоружение» [3, 9].

морских портов, речного судоходства и др. В силу того что режиму нераспространения присущи многие их общие черты, целесообразно рассмотреть содержание термина «международный режим». Термин разрабатывался в рамках активного академического дискурса среди представителей различных течений в теориях международных отношений, что привело к созданию новых политологических концепций и понятий. Основные дебаты велись между учеными неолиберальной, неореалистской и когнитивистской школ. Если вычленить общее, объединяющее эти школы, то большинство авторов согласны в одном: в рамках международных режимов государства принимают на себя правила и нормы для обеспечения определенной степени порядка в международных отношениях [43, 145]. При этом каждая теория добавляет к этой основе свой аспект, важный для понимания сути международных режимов.

Основатели неолиберальной школы, отмечая все возрастающее влияние негосударственных акторов в мировой политике, в частности международных организаций (правительственных и неправительственных), религиозных объединений и транснациональных корпораций [37], придерживаются мнения, что институты и режимы играют большую роль в международных отношениях. Роберт Кеохэйн дает режиму следующее определение: это «институты с четкими, согласованными между правительствами правилами по определенному кругу вопросов в международных отношениях» [31, 4]. Для неолибералов режимы имеют значение, поскольку заставляют государства делать то, что они иначе не стали бы выполнять. По мере того как мировая политика становится все более взаимозависимой, государства будут все больше опираться на режимы, преследуя свои собственные интересы [43, 149]. Согласно Дж. Наю режим существует, если имеется способность выявлять согласованные общие и конкретные запретительные нормы [38, 392]. Вместе с тем неолибералы не идеализируют власть институтов. Кеохэйн, приводя примеры как эффективных, так и не очень результативных организаций, отмечает, что «международные институты становятся все более важными, но они не всегда успешны» [30, 83]. Институты создают рамки сотрудничества для государств на взаимовыгодных условиях. Благодаря институтам государства — из-за принципа взаимности — вынуждены выполнять свои обязательства с тем, чтобы и другие правительства делали то же самое. Кеохэйн обращает внимание, что «даже влиятельные государства заинтересованы в большинстве случаев соответствовать правилам устоявшихся международных институтов, так как общее соответствие правилам делает поведение других государств более предсказуемым» [Там же, 86].

Неореалистская школа отличается от неолиберальной чрезвычайной концентрацией внимания на государстве как на акторе международных отношений. Согласно неореалистам государства — это однородные единицы, действующие на основе собственной выгоды и в целях ее максимального увеличения [29]. Государства, как ключевые акторы на мировой арене, действуют на основе рационального выбора в среде международной анархии, т. е. в рамках отсутствия какой-либо высшей власти в международной системе [34, 9]. Неореалисты не полностью отрицают, но минимизируют влияние институтов на глобальную политику. При этом Меаршаймер, указывая в своей статье, что термины

«институты» и «режимы» он использует как синонимичные [34, 8], придерживается мнения, что институты имеют минимальное влияние на поведение государства и поэтому не могут способствовать стабильности в период после холодной войны [Там же, 7]. Неореалисты признают, что государства иногда используют режимы, но считают, что «эти правила отображают государственные расчеты, основанные в первую очередь на международном распределении власти» [Там же, 13]. Режимы создаются в том случае, когда у государства гегемона много власти и оно хочет ее увеличить путем создания режимов. Например, распределение гегемоном властных полномочий ведет к стабильным, открытым экономическим режимам, потому что это государство заинтересовано проводить именно такую политику и имеет ресурсы, необходимые для обеспечения производства коллективных товаров, необходимых для эффективного функционирования подобной системы [32, 498]. Согласно одному из родоначальников теории международных режимов, Стефану Краснеру, международный режим — это «явные или подразумеваемые принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, по которым ожидания акторов совпадают в определенной сфере» [33, 185]. Заметим, что определение не подразумевает институтов. В этом же русле высказывается и Роберт Джервис, который трактует режим безопасности как «принципы, правила и нормы, которые позволяют странам сдерживаться в их поведении в надежде, что другие будут делать так же. Эта концепция подразумевает не только нормы и ожидания, которые способствуют сотрудничеству, но и форму сотрудничества, что больше, чем следование краткосрочной собственной выгоде» [27, 357].

Когнитивисты не признают аргументы двух вышеперечисленных школ относительно международных режимов и считают, что интересы государств не даны изначально, а скорее создаваемы. В связи с этим они изучают, каким образом убеждения лиц, принимающих решения, влияют на формирование их предпочтений и интересов [43, 146]. Когнитивисты также анализируют механизм получения информации политиками. Согласно яркому представителю когнитивизма П. Хаасу, определение государством своих интересов и выявление им набора необходимых действий определяется осознанием проблемы политиками или представлением информации теми, к кому они обращаются за советом в условиях неопределенности [24, 2]. П. Хаас приходит к выводу, что знания лицам, принимающим решения, поступают через политически связанные элиты, некие эпистемические сообщества. Эти сообщества, являющиеся группами специалистов, которые оказывают воздействие на политические процессы, суть «сети профессионалов, имеющих признанный опыт и компетентность в конкретной предметной области и авторитетные притязания на политически значимые знания в этой области» [Там же, 3]. В этом смысле нельзя не согласиться с П. Хаасом, что «контроль над знаниями и информацией является важным измерением власти, и... распространение новых идей и информации может привести к новым моделям поведения и оказаться важным фактором, определяющим международную координацию политики» [Там же, 2–3].

В рамках рассматриваемой проблематики чрезвычайно важное замечание касается эффективности, устойчивости и стабильности режима. Хазенклевер,

Майер и Риттбергер называют два условия эффективности международного режима: достижение заявленных целей и соблюдение участниками ими же установленных норм и правил [25, 178]. Устойчивость режима они определяют как «сохранение власти международных институтов перед лицом исходящих извне вызовов» [Там же]. При этом устойчивость зависит от того, до какой степени первоначальные институциональные решения ограничивают коллективные решения и поведение в более поздние периоды, т. е. до какой степени «институциональная история имеет значение» [Там же]. С. Краснер отмечает, что режим ослабевает, «если его принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений становятся менее последовательны или если реальная практическая деятельность становится все более несовместимой с принципами, нормами, правилами и процедурами» [33, 188]. Эффективность режима снижается при несогласованности между его компонентами или при несоответствии между режимом и связанным с ним поведением [Там же].

Согласно Дж. Наю эффективность режима определяется краткосрочным сдерживанием собственной выгоды и переформатированием собственных долгосрочных интересов [38, 392]. Р. Кеохэйн считает, что соблюдение правил режима зависит от того, насколько близки общие интересы у его участников и как распределяется власть между ними [30, 91]. По его мнению, институты, члены которых имеют схожие социальные ценности и политические системы (НАТО или Европейский союз), будут сильнее, чем ОБСЕ или АСЕАН [Там же]. Второй фактор, оказывающий существенное влияние на международные институты, — это внутреннее распределение власти в организации, воплощенное, например, в механизме принятия решений. Так, по мнению Кеохэйна, институты с небольшим количеством членов (МВФ) и со взвешенной системой голосования предпринимают более решительные действия, чем те, где количество участников намного больше, как например, в Генеральной Ассамблее ООН [Там же].

Согласно Н. Н. Сокову режим стабилен при выполнении двух условий: если режим выгоден для участников и если участники следуют правилам игры [21, 73]. Р. Джервис указывает на четыре условия существования режима безопасности. Первое условие заключается в том, что влиятельные игроки («великие державы») будут стремиться организовать данный режим, а также будут иметь общие ценности относительно безопасности и сотрудничества [27, 360]. Второе условие предполагает наличие у участников общих ценностей относительно взаимной безопасности и сотрудничества. Джервис обращает внимание на третье, гораздо более проблематичное условие, которое предполагает, что режим не состоится, если один или больше участников будут верить в то, что безопасность можно обеспечить за счет экспансии [Там же, 361]. Кроме того, режим не сможет существовать в том случае (и это является четвертым условием), если государству каким-то образом выгодна война или снятие небезопасности, например благодаря возможности производства военных товаров [Там же, 362].

Интересна теория тектонических плит, представленная Стефаном Краснером [32, 499], в которой речь идет о двух плитах, одна из которых — распреде-

ление власти между государствами, а другая — связанные с ними режимы. При становлении режимов между плитами давления практически нет, но со временем оно образуется на стыке плит, поскольку двигаются они с разной скоростью. Это давление может быть высвобождено незаметными движениями, но зачастую давление накапливается. Чем выше уровень несоответствия, тем более резким будет конечное землетрясение, что в результате перегруппирует плиты. Действительно, продолжает он, при становлении режимов имеется высокая степень соответствия между распределением власти и режимными характеристиками: мощные государства устанавливают режимы, которые служат их интересам. Но со временем интересы государства и интересы режима могут отдалиться друг от друга. В целом основные принципы и нормы режимов очень прочные, и, как только создается режим, возникает и механизм его регулирования, изменения правил и процедур принятия решений. Но распределение власти — более динамичный фактор, который постоянно меняется. И в какой-то момент несоответствия между «плитами» начинают накапливаться. Если эти противоречия становятся слишком интенсивными, то вероятны революционные изменения, поскольку более сильные участники будут выступать за внесение изменений в основополагающие принципы и нормы [32, 499].

Что касается международного режима нераспространения ядерного оружия, то эксперты делают акцент на разных аспектах термина. Например, согласно Г. А. Осипову режим нераспространения ядерного оружия — это «совокупность международно-правовых норм, которые направлены на запрещение расширения круга стран, обладающих ядерным оружием и обеспечены соответствующим международным контролем» [15, 48]. Е. А. Сидорова рассматривает режим нераспространения ЯО как «совокупность международных норм договорного и обычно-правового характера, направленных на ограничение числа членов “ядерного клуба” рамками, установленными п. 3 ст. IX Договора о нераспространении ядерного оружия, а также последующую ликвидацию этого клуба, выражющуюся в запрете и всеобщем уничтожении ядерного оружия» [18]. По нашему мнению, недостатком этих определений является то, что из них исключены институты. В этом отношении гораздо более исчерпывающей является формулировка, согласно которой режим нераспространения ядерного оружия — это «система сформулированных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур, а также внутренних законодательств, международных договоренностей и институтов с участием ядерных и неядерных государств и негосударственных акторов, чьей целью является предотвращение “горизонтального” и “вертикального” распространения ЯО, а также содействие ядерному разоружению и обмену мирными ядерными технологиями, уменьшающими риск ядерного распространения» [2]. Однако и здесь имеется упущение: целью режима нераспространения является именно недопущение попадания в «ядерный клуб» тех государств, которые не были таковыми к 1967 г. По нашему мнению, наиболее удачно содержание термина «режим нераспространения» раскрывает Н. Н. Соков, который определяет режим нераспространения ядерного оружия как «совокупность международных

договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участников, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые не имели его к 1967 г.» [19, 16].

Надо понимать, что режим нераспространения — дискриминационный по своей сути: если в других режимах суверенные государства равны между собой в юридическом плане, то режим нераспространения ЯО четко делит государства на пятерку ядерных государств и на все остальные — неядерные государства и запрещает переход из одной категории в другую [16].

Внутри режима нераспространения, который уместно было бы назвать метарежимом, имеются несколько интегрированных подрежимов, например режим Антарктики или режим Тлателолко.

После определения теоретических основ исследования безъядерных зон в качестве одного из инструментов режима нераспространения можно перейти к выявлению закономерностей формирования зон от их географического расположения. В литературе встречаются попытки выявить условия, при которых зоны, свободные от ядерного оружия, могут состояться. Например, Дж. Редик в своей статье, посвященной режиму Тлателолко, пишет о том, что важными факторами для формирования безъядерной зоны в Латинской Америке были следующие: общие культурные и правовые традиции, а также общее восприятие региональной идентичности. Среди ключевых критериев успешного формирования и становления режима договора Тлателолко Редик называет также отсутствие сложного межрегионального конфликта и стремление предотвратить «разрушительное вмешательство не-латиноамериканских стран», т. е. СССР, в дела государств Западного полушария. Вместе с тем, по мнению Дж. Редика, «наличие более высокого уровня конкуренции сверхдержав в регионе или создание дополнительных отношений в сфере безопасности стран Латинской Америки с какой-либо мировой сверхдержавой усложнили бы и неизбежно ослабили перспективы для режима Тлателолко» [40, 111].

По мнению П. Пауэра, США выступали против установления безъядерных зон, если предложения об этом поступали от советской стороны, от нейтральных или неприсоединившихся стран, а также против таких ЗСЯО, территории которых лежали в «зонах напряженности», т. е. там, где проходили границы между Востоком и Западом, — на Балканах, в Центральной и Северной Европе [39].

И. Ахтамзян справедливо отмечает, что отношение ЯОГ к безъядерным зонам определялось двумя условиями: 1) предотвращением создания ЗСЯО в регионах, где планировалось содержать ядерное оружие, и 2) стимулированием становления зоны с тем, чтобы другая сторона не могла разместить в каком-либо регионе свое ЯО [4, 169].

Не отрицая правомерности вышеприведенных мнений, мы считаем целесообразным рассмотреть в комплексном виде геополитические факторы, от которых зависит успешное формирование безъядерных зон. На основе анализа становления зон можно прийти к следующим выводам о механизме создания безъядерных зон и его зависимости от геополитического расположения ЗСЯО:

1. Чем маловероятнее размещение ЯО в определенном регионе, тем выше вероятность становления безъядерной зоны в данном регионе. В первую очередь ЯОГ были согласны на создание безъядерных зон там, где размещение ЯО ими не планировалось. Первые ЗСЯО были установлены в незаселенных районах Земли, в которых размещение ЯО было наименее вероятным. Исключением является безъядерная зона в космосе, но в 1970-х гг. две супердержавы пришли к общему пониманию о недопущении размещения там ЯО.

2. ЯОГ препятствуют созданию безъядерных зон в регионах, где планируется содержание или уже размещается ЯО. В связи с этим весьма затруднено становление ЗСЯО даже на стадии одобрения инициативы о создании безъядерных зон в таких проблемных регионах, как Европа, Ближний Восток и Корейский полуостров. Относительно перспектив ЗСЯО в Северо-Восточной Азии можно констатировать, что в настоящий момент не имеется ни одного из условий, необходимых для формирования такой зоны.

3. Чем географически ближе безъядерная зона к США или к СССР, а теперь к России (именно к этим двум ядерным государствам), но при этом дальше от Европы, тем больше шансов у безъядерной зоны к формированию и признанию ядерными государствами. США и Россия поощряют создание безъядерной зоны в непосредственной географической близости от себя, в своей «санитарной зоне», с тем, чтобы противоположная сторона не смогла разместить свое ЯО в близлежащем регионе. В случае с США речь идет о безъядерной зоне в Латинской Америке. После Карибского кризиса США были крайне не заинтересованы в повторном размещении ЯО СССР на Кубе, поэтому всячески продвигали становление ЗСЯО в Латинской Америке. Можно заметить, что договор Тлателолко — единственное соглашение о ЗСЯО, в котором официальный Вашингтон видел больше выгод, нежели недостатков. США не просто продвигали эту инициативу, но и активно содействовали присоединению их партнеров по НАТО к поддержке этой резолюции.

В секретной депеше Госдепартамента США от 9 ноября 1962 г. говорится: «Некоторые наши союзники выразили обеспокоенность поддержкой Соединенными Штатами Бразильской резолюции. Все представители [названия государств удалены] были в разной степени обеспокоены. Мы объяснили им нашу позицию, заключающуюся в том, что ситуация в Латинской Америке уникальна и что наша поддержка по денуклеаризации там не послужит примером для нас в других регионах. Например, в нынешних условиях и речи быть не может о резолюции по денуклеаризации в Европе или на Дальнем Востоке» [22].

Что касается России, то ей выгодно становление ЗСЯО в Центральной Азии — для предотвращения размещения ядерного оружия НАТО на военных объектах в странах Центральной Азии. Протокол к договору о наиболее близкой к какой-либо из двух ядерных держав зоне в течение долгого времени не находит поддержки у ядерного государства из противоположного блока. Например, США подписали протокол к договору Тлателолко о предоставлении негативных гарантий достаточно быстро, в то время как СССР — только через 11 лет. Россия и Китай одобрили подписание договора о ЦАЗСЯО и

предположительно готовы подписать протокол к нему, в то время как США и их союзники по НАТО выступают за дальнейшее согласование и консультации по соглашению.

4. Чем географически дальше ЗСЯО от Европейского театра военных действий, тем быстрее происходит ее становление. Сначала произошло подписание договора о создании безъядерной зоны в Латинской Америке (1967), т. е. в регионе, наиболее удаленном от Европы. Следующим (в 1985 г.) был подписан договор о создании ЗСЯО в Южной части Тихого океана, в регионе, в такой же степени географически удаленном от Европы, как и Латинская Америка. В 1995 г. был подписан договор об установлении безъядерной зоны в регионе, находящемся уже на материке Евразии — в Юго-Восточной Азии, а в 1996 г. — в Африке.

5. Выявленная зависимость установления ЗСЯО от географического удаления от Европы дает возможность утверждать, что, несмотря на окончание холодной войны и распад Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, на международной арене продолжает существовать привязка военно-политических вопросов к Европейскому театру военных действий (ТВД). Согласимся с И. А. Кочевым о снижении значимости Европы как театра военных действий: «Исчезновение советской угрозы снизило значение США как гаранта безопасности Западной Европы и значение Западной Европы как возможного театра военных действий, что поставило европейские страны перед необходимостью самостоятельно обеспечивать свою безопасность» [13, 141]. Однако речь может идти лишь о снижении, а не о полном исчезновении значимости Европейского театра военных действий. Например, в настоящее время происходит коренное изменение военной инфраструктуры восточноевропейских государств. Как отмечает В. А. Алешин, военные возможности соседей РФ приводятся в соответствие со стандартами НАТО. «Это значительно повышает возможности блока по развертыванию группировок войск в непосредственной близости от границ России. Характерным примером успешного освоения потенциального театра военных действий является миссия НАТО по охране воздушного пространства прибалтийских государств» [1]. Подтверждением важности Европейского театра военных действий может быть факт поэтапного создания архитектуры ПРО США в Европе, в рамках которой в феврале 2013 г. был размещен эсминец с зенитно-ракетным комплексом «Иджис» для выполнения задач противоракетной обороны на Европейском театре военных действий [20]. В планах США — размещение до 2015 г. в Румынии и к 2018 г. — в Польше мобильных батарей с ракетами «Эс-эм-3». К 2020 г. эти ракеты будут заменены на более совершенные, которые будут защищать всю территорию стран — членов НАТО от МБР и ракет средней и меньшей дальности [Там же].

Подытоживая, можно отметить, что зоны, свободные от ядерного оружия, в качестве одного из инструментов международного режима нераспространения ядерного оружия предусматривают усложнение географического перемещения ЯО для ядерных держав, уменьшают вероятность создания новых ядерных государств, повышают региональную безопасность в качестве меры дове-

рия, способствуют усилению глобального режима нераспространения и сохранению окружающей среды. При этом тот факт, что регионы, географически далекие от Европейского ТВД, имеют преимущество в организации безъядерных зон, дает возможность утверждать, что продолжает существовать привязка военно-политических вопросов к Европе как театру военных действий.

-
1. Алешин В. А. Эволюция угроз военной безопасности России (2000–2009 гг.) // Армия и общество. 2009. № 2. С. 14–20.
 2. Аничкина Т. Б. Международный режим нераспространения ядерного оружия: проблемы и возможные пути их решения : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2011.
 3. Антонов А. И. Контроль над вооружениями: История, состояние перспективы. М., 2012.
 4. Ахтамзян И. А. Зоны, свободные от ядерного оружия // Ядерное нераспространение : в 2 т. : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. В. А. Орлова. Т. 1 / И. А. Ахтамзян, Д. Г. Евстафьев, Р. М. Тимербаев. М., 2002. С. 149–170.
 5. Банк топлива // Международный центр по обогащению урана [Электронный ресурс]. URL: http://www.iuec.ru/activities/fuel_bank/ (дата обращения: 17.06.2013).
 6. Васильев С. Размещение банка ядерного топлива в РК положительно отразится на ядерной энергетике страны : интервью с министром иностранных дел Казахстана Ерланом Идрисовым // Zakon.kz. 4 апр. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/4549945-razmeshhenie-banka-jadernogo-topliva-v.html> (дата обращения: 12.06.2013).
 7. Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения: реальность или миф? / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина и др. М., 2011.
 8. Гарантии МАГАТЭ : глоссарий. Изд. 2001 г. // Серия международного ядерного контроля. № 3 / Международ. агентство по атомной энергии. 2004.
 9. Дериглазова Л. В. Проблемы обеспечения международной безопасности после окончания холодной войны // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2005. № 288. С. 56–61.
 10. Договор о нераспространении ядерного оружия. Резолюция 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 12.06.2013).
 11. Елфимов В. Международный режим нераспространения ядерного оружия: политические аспекты функционирования // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1998. № 3. С. 88–92.
 12. Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucmat_protection.shtml (дата обращения: 16.06.2013).
 13. Кочев И. А. Общая политика безопасности и обороны Европейского союза в современной политической теории // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3. С. 138–144.
 14. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма / Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 17.06.2013).
 15. Осипов Г. А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия. М., 1987.
 16. Победаш Д. Режим нераспространения после окончания холодной войны // Ядерное нераспространение / под ред. Л. В. Дериглазовой. Томск, 2010. С. 31–54.
 17. Синовец П. А. Двуликий Янус, или Теория ядерного сдерживания в XXI в. Одесса, 2008.

18. Сидорова Е. А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
19. Соков Н. Н. Введение в ядерное нераспространение // Ядерное нераспространение : в 2 т. Т. 1. С. 11–37.
20. «США направили эсминец с ЗРК “Иджис” на Европейский театр военных действий» // Национальная Идея. 08.02.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://warfiles.ru/show-23649-ssha-napravili-esminec-s-zrk-idzhis-na-evropeyskiy-teatr-voennyh-deystviy.html> (дата обращения: 14.06.2013).
21. Ядерное нераспространение : в 2 т. Т. 1.
22. Confidential Telegram № 1716 from New York to the Secretary of State, Nov. 9, 1962 // Digital National Security Archive [Электронный ресурс]. URL: <http://nsarchive.chadwyck.com> (дата обращения: 11.07.2012).
23. Fact Sheet: GTRI: Reducing Nuclear Threats [Electronic resource] : Feb 1, 2011 // Official site of the National Nuclear Security Administration [Электронный ресурс]. URL: <http://nnsa.energy.gov/mediaroom/factsheets/reducingthreats> (дата обращения: 11.07.2012).
24. Haas P. M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization Vol. 46, № 1. Knowledge, Power, and International Policy Coordination (Winter, 1992). P. 1–35.
25. Hasenclever A. Interests, Power, Knowledge: The Study of International Regimes // Mershon International Studies Review. Oct., 1996. Vol. 40, № 2. P. 177–228.
26. International non-proliferation and arms control regimes // Department for Business, Innovation & Skills, UK Government [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/international-non-proliferation-and-arms-control-regimes> (дата обращения: 17.06.2013).
27. Jervis R. Security Regimes // International Organizations. Spring 1982. Vol. 36, № 2. P. 357–378.
28. John F. Kennedy: The President’s News Conference // The American Presidency Project. March 21, 1963. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley [Electronic resource]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=9124> (дата обращения: 9.03.2013).
29. Katzenstein P. J. International Organization and the Study of World Politics // International Organization 52, 4, Autumn 1998. P. 645–685.
30. Keohane R. O. International Institutions: Can Interdependence Work? // Foreign Policy. Spring 1998; Iss. 110. P. 82–96.
31. Keohane R. O. Neoliberal Institutionalism: A Perspective on World Politics // International Institutions and State Power : Essays in International Relations Theory / Robert O. Keohane (ed.). Boulder, 1989. P. 1–20.
32. Krasner S. D. Regimes and the Limits of Realism: Regimes as Autonomous Variables // International Organization. 36, 2. Spring 1982. P. 497–510.
33. Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // Ibid. P. 185–205.
34. Mearsheimer J. J. The False Promise of International Institutions // International Security. 1994. 19 (3). P. 5–49.
35. Nye J. S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. Vol. 88, № 4. July/Aug. 2009. P. 160–163.
36. Nye J. S. Soft Power // Foreign Policy. Autumn, 1990. Iss. 80. P. 153–171.
37. Nye J. S. Nuclear Learning and U.S.-Soviet Security Regimes // International Organization. 41, 3. Summer 1987. P. 371–402.
38. Power P. F. The South Pacific Nuclear-Weapon-Free Zone // Pacific Affairs. Vol. 59, № 3. Autumn, 1986. P. 455–475.
39. Redick J. R. The Tlatelolco Regime and Nonproliferation in Latin America // International Organization. 35, 1, Winter 1981. P. 103–134.
40. Singh N. K. Nuclear Weapons and Contemporary International Law // Developments in International Law. Vol. 11. Martinus Nijhoff Publishers, 1989.

41. United Nations General Assembly Resolution 3472 B (XXX). Dec. 11, 1975. «Comprehensive study of the question of nuclear-weapon-free zones in all its aspects».
42. Viotti P. R. International Relations Theory. 5th Edition. Boston, Columnus, Indianapolis, 2011.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 623 + 327(1-87) + 327.51 + 327.57

Е. Б. Михайленко

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕОСНАЩЕНИЯ ТАКТИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ЕВРОПЕ: НОВЫЙ ВИТОК «ХОЛОДНОГО» ПРОТИВОСТОЯНИЯ?

В статье рассматривается отношение членов НАТО и России к объявленной американской программе модернизации тактического ядерного оружия в Европе. Оружие, которому в предыдущее десятилетие придавалось исключительно символическое значение, в 2000-х гг. оказалось в центре дискуссии в НАТО между «новыми» и «старыми» членами альянса, а также в качестве средства давления на российскую сторону в ходе двусторонних переговоров о разоружении. В ходе исследования автор статьи анализирует значение тактического ядерного оружия для европейских членов НАТО, а также изучает причины выделения средств в США на его модернизацию. В работе предпринимается попытка оценить угрозы для России в связи с модернизацией тактического ядерного оружия в Европе.

Ключевые слова: тактическое ядерное оружие, США, НАТО, РФ, разоружение.

В период холодной войны США разместили в Европе примерно 7000 ядерных боезарядов с целью сдерживания обычных вооружений Советского Союза и стран Варшавского договора. После распада Советского Союза более 90 % этого оружия было в одностороннем порядке вывезено с территории Европы, однако около 200 ракет (B-61) остались на территории пяти стран НАТО: Италии, Турции, Бельгии, Германии и Нидерландов. В 2009 г. Германия инициировала дебаты о выводе тактического ядерного оружия с территории Европы. Инициатива Германии была поддержана Бельгией и Нидерландами. Однако страны Центральной Европы, прежде всего Польша, Чехия, Словакия, Венгрия и три страны Балтии, решительно выступили за поддержание ядерного статус-кво, указывая на особую роль тактического ядерного оружия в регионе как фактора сдерживания России, а также как символа трансатлантических связей в рамках НАТО.

В апреле 2013 г. было решено, по словам Ханса Кристенсена (Федерация ученых-ядерщиков), «в целях защиты Европы переоснастить бомбы НАТО в “пригодные к использованию” управляемые ракеты, способные удерживать больше целей» [8]. Несмотря на формальное завершение холодной войны,